

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**

**Обучение русскому языку
в сельской школе¹**

Сергей Рачинский

В этом выпуске журнала продолжаем знакомить вас с мыслями известного русского педагога о сельской школе, о способах обучения сельских детей. Многие советы С.А. Рачинского — например, отступить от модных приёмов, вести дело прямо и проще — не утратили свою актуальность. Начало публикации в журнале «СШ» 2008 г. № 3.

Обращаясь к преподаванию в сельской школе, остановлюсь прежде всего на русском языке, этом необходимом орудии всякого учения книжного и устного, на той степени умения говорить, читать и писать, которая может быть достигнута и действительно достигается в этой школе.

Результаты, достигаемые в ней, весьма разнородны, смотря по умению учителя и продолжительности учения. Требования, изложенные в правилах для испытания на льготу по воинской повинности, столь неопределённые и слабы, что удовлетворить им нетрудно. Этот минимум представляет мало ручательств в прочности приобретённой в школе грамотности, и поэтому всякий добросовестный учитель старается пойти дальше и сделать лучше.

Вот что представляется мне достижимым при четырёхлетнем курсе учения:

- Умение говорить без *ошибочных* местных оборотов и речений. Это умение достигается благодаря постоянным внеклассным сношениям учеников с учителем в нашей сельской школе, если только этот учитель сам говорит

¹ Печатается с некоторыми сокращениями.

правильно по-русски, чего нельзя сказать даже о всех воспитанниках учительских семинарий, но что составляет преимущество учителей духовного происхождения, даже не прошедших через духовную семинарию. Крестьянина, прошедшего четыре зимы в хорошей школе, тотчас можно отличить по более правильному его говору.

• Умение читать с полным пониманием доступную по содержанию прозу и стихотворения пушкинского периода. Всякий хороший ученик дельной сельской школы на 15-м году с наслаждением прочтёт «Капитанскую дочку» и «Дубровского», «Бориса Годунова» и «Русалку», «Полтаву» и «Песнь про купца Калашникова», «Тараса Бульбу» и «Ночь перед Рождеством», «Унди-ну» Жуковского, «Семейную хронику» Аксакова, а также некоторые вещи второстепенных их современников: Лажечникова, Загоскина, Даля, наконец, подходящего к их строю «Князя Серебряного» графа А. Толстого. Мало того, он с живым участием выслушает (при необходимых пояснениях) чтение исторических драм Шекспира, «Илиады» и «Одиссеи»². «Потерянный рай» Мильгона, несмотря на дубоватый перевод, приведёт его в восторг.

Зато вся наша послепушкинская литература (за исключением разве рассказов А. Печерского) для него абсолютно неудобоварима. О наших журналах и газетах и говорить нечего.

Остановимся на этом замечательном явлении. О нём стоит подумать. В нём есть две стороны, которые следует строго различать.

Первым препятствием к проникновению в народ нашей новей-

шей литературы служит её язык, и это опять в двух отношениях. Язык этот всё более и более обременяется, отчасти по нужде, отчасти из небрежности, иностранными словами. Из газет, где эти слова часто неизбежны, они всё более и более переходят в журналы и книги. Становятся необходимыми словари иностранных слов, необходимыми и в сельской школе, не для учеников, а для учителей, которые без их помощи не могут прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьёзной книги. Это обстоятельство наконец заставило правительство приступить к изданию особой газеты, которую можно было бы понять, не зная французского языка.

Другое отличие нашего современного литературного языка от языка пушкинского периода заключается в злоупотреблении свободной, лишённой всякой симметрии периодической формой, в накоплении вводных и придаточных предложений, слабо сцепленных между собой, — склад речи гоголевский, дающий писателю неограниченный простор для развития и окраски своей мысли, но затрудняющий быстрое понимание и плавное чтение.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь гоголевский период русской литературы остаётся недоступным русскому народу. Он не более как яркое отражение переходного состояния русского, отчасти европейского общества, отражение таких внутренних процессов его сознания, которые совершались лишь в верхнем его слое, которые не имеют ни общечеловеческого, ни всенародного значения. Нужно было пережить то, что пережило ныне стареющее поколе-

² Следует принять во внимание, что речь идёт о сравнительно взрослых, кончивших курс учениках, притом, конечно, более или менее способных.

ние, чтобы понять вполне Бельгова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольников. Будущим поколениям они станут столь же загадочными, как для нынешнего юношества становятся загадочными Онегин, Чацкий и Печорин. Переживёт нас только «Война и мир» графа Л.Н. Толстого, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташе, благодаря грандиозной общечеловеческой подкладке. Впрочем, граф Л.Н. Толстой ещё должен написать (не *для народа*, а для себя) книгу, которая проникнет в самую глубь народа и останется, и эту книгу он напишет. В массы проникают только произведения вечные.

Само собой разумеется, что тут я говорю о результатах учения в сельской школе, а не о том материале, который может служить ему орудием. Сказать два слова об этих результатах необходимо, ибо сельская школа есть школа окончательная, а не подготовительная. Но и при этой оговорке боюсь, чтобы сказанное мною не показалось странным многим из моих читателей. Смею уверить их, однако, что я говорю не на основании каких-либо отвлечённых соображений, а на основании опыта, купленного длинным рядом исканий и ошибок. Сохраняю постоянные сношения с бывшими учениками моей школы. Они гостят в ней подолгу на Святках, проводят со мной целые дни перед праздниками для спевков. Имею случай много читать с ними, много говорить с ними о том, что они читают. Что же делать, если вся наша поддельная народная литература претит им, и мы принуждены обращаться к литературе настоящей, неподдельной?

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотных крестьян, в большинстве случа-

ев и для учителей сельской школы вовсе не существует? Что та «рабья манера писать», в которой она всё более изощряется, в которой в сущности и заключается весь её вред для полубразованных классов, делает её совершенно недоступной и непонятной для того грамотного люда, который стоит на ступени образования элементарного, хотя бы самого тщательного?

Но ничто не может сравниться с тем обаянием, которое производят творения Пушкина, начиная с его сказок и кончая «Борисом Годуновым». Когда я ещё не приступал к занятиям в школе, я думал, что знаю Пушкина и умею его ценить. Я ошибался. Узнал я его только теперь. Этот светлый реальный мир, который меня окружает, мир бодрой веры и трезвого смирения, мир духовной жажды и здравого смысла, — этот мир столь новый и как будто давно знакомый, это его мир, с раннего детства пленявший и манивший нас. Он *его* певец, он *его* пророк...

Пушкин! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятник. Мы рукоплескали вдохновенным речам, которыми немногие избранные почтили его память. Но где тот «памятник нерукотворный», который *он* воздвиг себе, который он нам верил, умирая? Он повергнут во прах, кучами грязи засыпана к нему народная тропа. По безумной прихоти монополиста-издателя наша школа, наш народ лишены величайшего сокровища, каким обладает Россия. Да один ли он виноват? О чём думает общество? Ведь есть же сумма, за которую это злополучное право издания может быть выкуплено? Ведь находятся же у нас деньги не только на французский театр и итальянскую оперу, но и на дела милосердия, на помощь неимущим, на

пропитание голодающих? Когда же вспомним мы наконец, что не хлебом единым жив будет человек?³

Экземпляр сочинений Пушкина необходим во всякой грамотной семье, во всяком среднем учебном заведении. Но ещё более необходим он во всякой сельской школе. Язык Пушкина, этот волшебный язык, — единственный мост, соединяющий народную речь с речью нашей литературы. Его творчество — это всемогущий талисман, сразу раздвигающий вокруг всякого грамотного тесные пределы времени и пространства, в которых до тех пор вращалась его мысль.

Но вернёмся к самому чтению. Действительно, хорошее громкое чтение, столь редкое даже в образованных классах, редко также приобретает в сельской школе. Зато способность к нему нередко развивается по выходе из неё. Грамотных ребят заставляют целыми вечерами читать вслух их родители. Эта усиленная практика, старание быть вполне понятными безграмотным слушателям, составляет в этом отношении лучшую школу.

- Умение написать при должном внимании без ошибок против русского языка и правописания то, что бывает нужно писать в крестьянском быту: родственное письмо, прошение, условие.

Этим требованиям редко удовлетворяет сельская школа, и они могут показаться чрезмерными. Тем не менее удовлетворить им при четырёхлетнем курсе возможно и должно. Сельская школа есть школа окончательная. Русская сельская школа располагает средствами, которых лишена всякая другая элементарная школа.

³ Писано до 1887 г., т.е. до истечения права литературной собственности на сочинения Пушкина и до появления общедоступных его изданий.

Но конечно, для того чтобы достигнуть этих результатов, нужно несколько отступить от модных педагогических приёмов, вести дело прямее и проще, сосредоточивать свои усилия на изучении русского языка, не задаваясь при этом целью сообщить в придачу ученикам энциклопедию реальных сведений. Нужно просто-напросто пройти с учениками элементарный, но дельный курс грамматики, подкрепляемый бесчисленными упражнениями, добиться от них полного понимания и сознательного употребления всех форм русского языка. Это существенное, неотъемлемое приобретение несравненно важнее для них всяких отрывочных сведений *de omni re scibili*, которые улетучиваются столь же быстро, как они воспринимаются. Только овладев вполне русским языком, приобретают они способность читать из книги, а не *в книгу*, по характерному выражению наших безграмотных крестьян.

Удовлетворительного учебника грамматики для сельских школ я до сих пор не отыскал, и поэтому грамматика у нас преподаётся устно с начала до конца. Преподаём мы её без всяких усовершенствований, сперва этимологию, потом синтаксис, называя все части речи и предложения, все формы их подлинными именами. Мы убедились, что совместное обучение этимологии и синтаксису даёт результаты быстрые, но неточные. В головах большинства учеников оно порождает плачевное смещение между понятиями об имени существительном и подлежащем, глаголе и сказуемом и т. д., которые затем приходится распутывать с великим трудом. Модные выражения:

предмет, качество, действие — ни на волос не понятнее крестьянским детям, чем выражения: имя существительное, прилагательное, глагол, без которых в конце концов не обойдётся; если же они эти выражения поймут, выходит ещё хуже: приходится им объяснять, что близна не есть качество, писание не есть действие и т.д., что довольно затруднительно.

Для того чтобы тут достигнуть прочного результата, необходимо приняться за дело с терпением и решимостью, не обходя трудностей, не скрадывая их полуточными облегчительными приёмами, а побеждая их медленно и постепенно. В моей школе приступ к грамматике почти совпадает с приступом к чтению. Я бы никогда не решился на эту смелость. Этот приём придумали мои помощники — крестьяне: я им предоставляю ведение младших групп, в котором они несравненно искуснее меня. В течение первого года ученики приобретают немного: способность ясно различать имя существительное, глагол и предлог. Но это немного имеет для всего последующего громадную важность. В течение второго года они выучиваются отличать все части речи и знакомятся со склонениями, в третий — проходят этимологию, в четвёртый — синтаксис. Вот в общих чертах план, вырабатывающийся на практике в нашей школе, вероятно, ещё требующий изменений. Считаю неуместным входить тут в дальнейшие подробности.

Точно так же не стану утомлять читателей разбором тех многообразных приёмов, которые предлагаются и практикуются для самого приступа к обучению грамоте. Замечу только, что тут выбору метода в нашей педагогической литературе придаётся преувеличенная важность. По

крайнему моему убеждению, лучший метод тот, с которым лучше всех освоился учитель. По всякому методу, не грешащему особой цельностью, усвоение букв и складов, способности медленно *читать*, совершается при усиленной работе, закипающей в наших школах в начале учебного года, в две-три недели. Это — наименьшая из трудностей школьного дела.

Само собой разумеется, что в столь короткий срок невозможно совместное обучение чтению и *письму*, признанное полезным большинством наших педагогов. Признаюсь, что выгоды этого совместного обучения кажутся мне чрезвычайно сомнительными. Им без нужды затрудняется доступ к грамоте: для каждого звука ученики должны разом усвоить два знака, печатный и курсивный; им затрудняется приобретение хорошего почерка: прежде чем заставлять ребёнка чертить буквы, нужно утвердить его руку на каллиграфических элементах... Оттягивать искусственно тот вожделенный момент, когда ребёнку даётся в руки книга и с ней возможность самому вне уроков испытывать свои силы, не желательно.

Но существует видоизменение этого метода, заслуживающее полного внимания. Заключается оно в том, чтобы начинать обучение грамоте с совместного обучения чтению и письму на языке церковнославянском. Совпадение славянского устава с печатным начертанием букв тут делает из письма действительно подспорье чтению. Само чтение на церковнославянском языке несравненно легче, чем на русском, ибо произношение вполне соответствует правописанию. Писать уставом (как пишут наши грамотеи-самоучки) несравненно легче, чем писать курсивом или рисовать буквы

гражданской печати. Неправильности, неизбежные при всяком писании букв ех abrupto, тут не отражаются на курсиве, к которому ученики приступают гораздо позже, утвердив свою руку на писании палочек и прочих элементов букв.

По этому методу дело начинается с звукового разбора и писания самых кратких, самых употребительных молитв. Ребёнок, приобретающий в несколько дней способность писать: *Господи, помилуй* и *Боже, милостив буди мне грешному*, заинтересовывается делом несравненно живее, чем если вы заставите его писать; *оса, усы, Маша, каша*. Заодно с обучением грамоте тут идёт твёрдое заучивание молитв. Переход от церковной азбуки к гражданской совершается с поразительной лёгкостью и быстротой. Этот приём с полным успехом практикуется в одной из школ нашей волости. Он, повторяю, заслуживает внимательной и деятельной разработки. Не следует забывать при этом, что славянская грамота составляет такую же необходимую принадлежность нашей сельской школы, как и русская, и что порядок, в котором приобретается та и другая, в сущности безразличен.

Но несравненно важнее, чем вопрос об усвоении азбуки и механизма чтения, вопрос о первой книге, которая даётся в руки ученикам наших сельских школ. Для этой цели почти повсеместно употребляется «Родное слово» Ушинского, книга замечательная, единственная в своём роде в нашей литературе. Кроме материала для школьного чтения она содержит систематический ряд школьных упражнений, расположенных в виде трёхгодичного курса учения. Впрочем, третий год (грамматика) несравненно менее распространён, чем первые два

года. Но к сожалению, книга эта писана для детей иного возраста (7–10 лет) и иного сословия, чем ученики наших сельских школ. Пользуется она в нашем официально-педагогическом мире авторитетом почти каноническим и поэтому добросовестно и безжалостно употребляется в наших министерских училищах. Но в большей половине прочих школ она служит просто книгой для чтения, ибо заключающиеся в ней упражнения чересчур ребячливы для наших сельских учеников. Но и в этом последнем качестве она в сельской школе крайне неудобна по своему содержанию. Покойный автор, имея в виду детей городских сословий, всего более хлопочет о том, чтобы знакомить их с сельским бытом, с сельской природой, с народным говором, которые ученикам наших сельских школ известны несравненно лучше, чем самому Ушинскому. К той же публике приурочено и всё остальное содержание книги. Не стану распространяться о второстепенных её недостатках, а их немало.

Несравненно выше, как материал для школьного учения, стоят «Новая азбука» графа Л.Н. Толстого и его «Книги для чтения». Если они не вытеснили до сих пор «Родное слово», то отчасти потому, что большая «Азбука» того же автора, изобилующая драгоценными указаниями относительно приёмов преподавания, не представляет такой строгой и легко применимой системы, как сочинения Ушинского. Другая и главная причина — безвкусие нашего педагогического мира и равнодушные, с которым отнеслась к детским книгам графа Л. Толстого наша литературная критика. Я неоднократно имел случай убедиться, что даже почитатели таланта их знаменитого автора вовсе их не читали.

Между тем их следует знать всякому образованному русскому человеку. Ни в одной европейской литературе ничего подобного не существует. Мы, кажется, забываем, что граф Л.Н. Толстой — величайший из *ныне* живущих писателей не только в России, но и в целом мире. Этот великий писатель посвятил несколько лет своей жизни сельской школе, много учил в ней и многому в ней научился. Его детские книги (пригодные для детей всех сословий) не плод художественной прихоти, а жизненное дело, совершённое с глубочайшим вниманием ко всем его практическим подробностям, с высокой простотой и смиренностью. Во многих своих очерках и мелких рассказах он доходит до чисто пушкинской трезвости и силы. От них можно прямо перейти к прозе Пушкина.

И при всём том та книга, которая нужна в сельской школе — вмещающая материал и для чтения, и для дельного обучения русскому языку, — ещё не написана.

Остаётся мне сказать несколько слов о преподавании церковнославянского языка. Начинается оно обыкновенно в наших школах со второго года учения, но, как мы видели, может быть начато и с первого. Приступают к нему посредством разбора общеупотребительных молитв, и необходимо довести его до полного понимания *языка* церковнославянского Нового завета. Это недостижимо без практического знакомства с теми грамматическими формами, которыми церковнославянский язык разнится от русского. Главным орудием тут служит неоднократное внимательное чтение в классе всех четырёх Евангелий, сперва с помощью русского перевода, потом по одному церковнославянскому тексту, с терпеливыми ос-

тановками на каждом обороте, который может подать повод к недоразумению.

Но наряду с чтением Евангелия необходимо в школе и чтение Псалтыри, вопреки всяким дидактическим соображениям, которые можно привести против её чтения.

Псалтырь — книга трудная. На ней, более чем на какой-либо другой книге Ветхого завета, отразилось затмевающее влияние двойного перевода, слишком буквального. Русский её текст (прямой перевод с еврейского) своими явными отступлениями от текста церковнославянского более затрудняет, чем облегчает точное толкование последнего. Если в Евангелии кое-где попадаются выражения, необъяснимые без обращения к греческому тексту, то в Псалтыри на каждом шагу встречаются такие, которые могут быть разъяснены лишь сличением и с текстом греческим, и с еврейским. Не у всякого учителя под рукой такое пособие, как толкование на псалмы Палладия. Но Псалтырь — единственная священная книга, проникшая в народ, любимая и читаемая им, и того, что в ней непосредственно понятно, уже достаточно, чтобы потрясать сердца, чтобы дать выражение всем скорбям, всем упованиям верующей души. Тёмные речения, встречающиеся в ней, и многие другие, которые разъяснить легко, дают полуграмотным людям повод к самым произвольным, часто чудовищным толкованиям. Школа обязана укрепить наш народ в обладании этим сокровищем назидания и поэзии, раскрыть, насколько это возможно, перед своими учениками его высокий, вечный смысл.

При этом не нужно упускать из виду одного практического соображения первостепенной важности.

Псалтырь читается над покойниками. В той тесной избе, где толпятся соседи, где кричат дети, где готовится обед, разве мыслимо без него обойтись? И вот, первым делом посылают в школу за учениками. *В этой просьбе никогда, ни под каким предлогом не должно быть отказа.* Те два-три дня в году, которые через это выпадают для каждого ученика старшей группы, не потерянные дни, а необходимое дополнение к школьному учению; та школа, которая не может удовлетворить этой законной потребности прихода, никуда не годится.

Такое же необходимое дополнение к школьному учению составляет последовательное чтение в церкви шестопсалмия, часов, Апостола...

Мне скажут, что мои требования чрезмерны, что слишком много труда возлагаю я на учителя. Да, труд немал, но он необходим; но в нашей сельской школе он вознаграждается успехами, превышающими его меру.

Завтра 1 октября. Это начало нашего учебного года и вместе с тем наш храмовый праздник. Школа наполнена учениками, учащимися и отучившимися, собравшимися для спевков. Завтра также память святого Романа, творца кондаков. Помните ли вы, читатель, его краткое «житие»? Каждый год в это время приходится нам его читать, и с этим временем года оно неразрывно связалось в моём воображении. Бедного безграмотного пономаря, долгие годы в глубоком смирении служившего церкви, молившего Бога о просветлении своего разума, злые церковники тащат на амвон и говорят ему: пой! То, что мы до сих пор сделали для нашей сельской школы, похоже на эту насмешку гордых своим знанием книжников. И что же? Роман запел, запел песнь новую, дотоль неслыханную. То, что достигается нашей заброшенной, как бы на смех официально признанной сельской школой, всегда представляется мне началом такого же чуда...